

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-8

Межкорейские отношения: факторы и перспективы развития

Оксана Сергеевна ПУГАЧЕВА

аспирант кафедры мировых политических процессов

Московский государственный институт международных отношений МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва, Российская Федерация
E-mail: ksusha2739@bk.ru

ORCID: 0000-0003-1031-9085

ЦИТИРОВАНИЕ: Пугачева О.С. (2021) Межкорейские отношения: факторы и перспективы развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 151–175. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-8

Статья поступила в редакцию 03.06.2020.

АННОТАЦИЯ. *Нормализация отношений между Севером и Югом в 2018 г. произошла на основе идейной платформы политики «солнечного тепла» и межкорейских договоренностей, достигнутых между двумя странами в период прогрессивных администраций (1998–2008 гг.). Однако, несмотря на стремление сторон к развитию многообразных форм сотрудничества, после американо-северокорейского саммита в Ханое в феврале 2019 г. этап активного восстановления контактов между КНДР и Республикой Корея сменился затишьем межкорейского диалога, за которым в июне 2020 г. последовало стремительное ухудшение межкорейских отношений. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать межкорейские отношения и северокорейскую политику южнокорейских администраций с 1998 по 2020 г. и выделить причины, обусловившие неспособность Сеула добиться прогресса в диалоге с Пхеньяном. Главная причина стагнации межкорейских отношений состоит в ориентации и усилившейся зависимости Южной Кореи от США. В условиях ме-*

ждународного режима санкций против КНДР Мун Чжэ Ину не удалось, оттолкнувшись от идейных установок и договоренностей 1998–2008 гг., приступить к практической составляющей политики «солнечного тепла». Сохранившаяся фактически привязка межкорейского экономического сотрудничества к вопросу денуклеаризации КНДР также оказала негативное влияние на перспективы сохранения позитивной динамики межкорейских отношений. Обострение межкорейских отношений в июне 2020 г. показало, что в отсутствии практического межкорейского сотрудничества и сохраняющегося тупика в американо-северокорейских переговорах по ядерной проблеме Пхеньян не заинтересован в нормализации отношений с Сеулом и может сконцентрироваться на отношениях с США. Вместе с тем усиление китайско-американской конфронтации в АТР не благоприятствует мирному политическому урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова и потенциально может привести к обострению межкорейских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *межкорейские отношения, КНДР, Республика Корея, Корейский полуостров, политика «солнечного тепла», денуклеаризация, Мун Чжэ Ин, северокорейская политика*

Нормализация межкорейских отношений является важным условием мира и стабильности на Корейском полуострове и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. После участия КНДР в Олимпийских играх в Пхенчхане в 2018 г. отношения между двумя Кореями стали налаживаться. Стороны провели три межкорейских саммита, на которых подписали двусторонние документы, направленные на улучшение отношений, активизацию и расширение сотрудничества, а также снижение военно-политической напряженности на полуострове. В частности, Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) договорились открыть межкорейский офис связи в Кэсоне, восстановить контакты по линии обществ Красного Креста, в т. ч. для содействия организации встреч членов разделенных семей, поддерживать постоянный контакт на уровне глав оборонных ведомств, осуществить соединение железных и автомобильных дорог Севера и Юга, возобновить работу Кэсонского промышленного комплекса и туристического комплекса в горах Кымгансан, осуществлять сотрудничество в области окружающей среды, профилактики эпидемий, здравоохранения и медицинской помощи, активизировать обмена в области культуры, искусства и спорта, содействовать проведению переговоров в трехстороннем формате с участием Юга, Севера и США, а также четырехстороннем с участием Юга, Севера, США и Китая для замены соглашения о перемирии на договор о мире.

Возобновление межкорейского диалога стало возможным благодаря ряду факторов. В частности, большую роль

сыграло то, что в 2017 г. к власти в Южной Корее пришли прогрессисты, в основу северокорейской политики которых легли идеи политики «солнечного тепла», инициированной южнокорейским президентом Ким Дэ Чжуном (1998–2003 гг.) и продолженной президентом Но Му Хеном (2003–2008 гг.).

Однако, несмотря на многообещающие договоренности Мун Чжэ Ина и Ким Чен Ына, после американо-северокорейского саммита в Ханое в феврале 2019 г. активность межкорейских контактов значительно сократилась. Более того, в июне 2020 г. произошло резкое обострение отношений между Севером и Югом.

В связи с этим возникает вопрос, почему администрации Мун Чжэ Ина не удастся повторить опыт политики «солнечного тепла» 1998–2008 гг. и возобновить межкорейское сотрудничество в различных сферах. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать межкорейские отношения и северокорейскую политику южнокорейских администраций с 1998 по 2020 г. и попытаться ответить на обозначенный выше вопрос. В статье исследуются факторы, способствующие либо препятствующие сотрудничеству между Южной и Северной Кореями, анализируется межкорейский июньский кризис 2020 г. в свете динамики межкорейских отношений, а также оцениваются перспективы развития отношений между двумя корейскими государствами.

Опыт межкорейского сотрудничества

В период президентства Ким Дэ Чжуна (1998–2003 гг.) и Но Му Хена (2003–2008 гг.) были заложены основы мирного сосуществования двух корейских государств. Придя к власти, южнокорейский президент Ким Дэ Чжун

инициировал политику «солнечного тепла» по вовлечению Северной Кореи, которая была направлена на улучшение межкорейских отношений. Для достижения этой цели были выдвинуты такие принципы, как недопущение вооруженных провокаций со стороны Северной Кореи, исключение объединения путем одностороннего захвата или поглощения Севера Югом, а также активное продвижение примирения и сотрудничества между двумя Кореями¹.

Политика «солнечного тепла» основывалась на предположении, что межкорейское экономическое сотрудничество и увеличение обменов приведут к трансформации экономики и открытости Северной Кореи [Han 2002, p. 43; Lee, Moon 2016, p. 228]. Кроме того, нормализация межкорейских отношений и установление экономической взаимозависимости между двумя Кореями должны были обеспечить мир и стабильность на Корейском полуострове, столь необходимые для развития экономики Южной Кореи, ослабленной экономическим кризисом 1997 г. [Paik 2002, p. 17]. Экономический кризис 1997 г., а также анализ немецкого опыта объединения стали одними из факторов, убедивших Ким Дэ Чжуну отказаться от идеи форсированного объединения Корейского полуострова путем поглощения Севера, т. к. стало очевидно, что южнокорейская экономика не потянет такого «приобретения» [Ланцова 2012, с. 92]. По этой причине южнокорейское руководство придерживалось идеи поэтапного объединения, при котором мирное сосуществование двух корейских государств выступало бы этапом на пути к национальному объединению.

Что касается северокорейских мотивов выхода на контакт с южным со-

седом, то исследователи выделяют внутриполитические и внешнеполитические соображения северокорейского руководства. К первым относят прежде всего тяжелую экономическую ситуацию в Северной Корее и острую необходимость в твердой валюте [Захарова 2010, с. 45]. Реализация межкорейских экономических проектов, а также готовность Южной Кореи к оказанию безвозмездной гуманитарной помощи определили положительный ответ КНДР на приглашение Юга к сотрудничеству, хотя первоначально северокорейское руководство довольно критически и негативно отнеслось к инициативе южнокорейского президента. В свою очередь, улучшение экономической ситуации в стране, возможное благодаря экономическим связям с Южной Кореей, способствовало бы консолидации и укреплению власти нового лидера КНДР Ким Чен Ира, сменившего Ким Ир Сена.

Внешиполитические мотивы сотрудничества КНДР с Южной Кореей были связаны с внешнеполитическим положением Северной Кореи, осознанием ограниченности политики балансирования на грани войны и заинтересованностью в нормализации отношений с западными странами, прежде всего США и Японией, которые, в свою очередь, в качестве одного из условий нормализации отношений с КНДР выдвинули возобновление диалога с Южной Кореей [Hwang 2000, p. 478]. Таким образом, можно сказать, что именно стремление обеспечить сохранение режима стало главным стимулом, побудившим Пхеньян к диалогу с Сеулом. При этом условия сотрудничества, предлагаемые президентом Ким Дэ Чжуном, были беспроблемными для КНДР, т. к. от нее практически ничего не требовалось взамен.

1 The Unification Environment and Relations between South and North Korea: 1999–2000. 1999 (2000). Annual report, Seoul, p. 24.

Главным принципом межкорейского сотрудничества был выдвинут принцип отделения экономики от политики, который позволил развивать экономические связи между двумя странами вне зависимости от состояния межкорейских политических отношений и ситуации с решением ядерной проблемы Корейского полуострова. Так, второй ядерный кризис, начавшийся осенью 2000 г., не привел к прекращению идущего полным ходом межкорейского экономического и социально-гуманитарного взаимодействия.

Кульминацией политики «солнечного тепла» Ким Дэ Чжун стала состоявшаяся в 2000 г. первая в истории встреча лидеров двух корейских государств, на которой была подписана Совместная декларация Севера и Юга, касающаяся примирения и объединения Кореи. Стороны признали сходство северокорейского предложения о создании на первоначальном этапе Конфедерации и южнокорейских предложений по Содружеству² для объединения страны и договорились двигаться в этом направлении³.

Саммит положил начало процессу налаживания отношений между сторонами во многих сферах: сельском хозяйстве, рыболовстве, спорте, научно-техническом сотрудничестве, культурных обменах. Около 1 млн долл. было выделено правительством Рес-

публики Корея на совместные научные исследования [Торкунов, Денисов, Ли 2008, с. 236]. С 2000 по 2008 г. осуществлялись туристические поездки южнокорейских граждан в горы Кымгансан на территории КНДР. В 2004 г. в КНДР был запущен совместный Кэсонский промышленный комплекс, на котором работали 120 южнокорейских компаний, занято порядка 50 тыс. рабочих из КНДР и примерно 1 тыс. рабочих из Республики Корея⁴. Проводились встречи и видеовстречи разлученных родных и близких. Всего с 2000 по 2008 г. более 15 тыс. родственников удалось встретиться после многих десятилетий разлуки [Торкунов, Денисов, Ли 2008, с. 238].

В 2007 г. состоялся второй саммит между лидерами Северной и Южной Кореи, по итогам которого была принята «Декларация во имя развития межкорейских отношений, мира и процветания», подтвердившая приверженность сторон духу первой межкорейской декларации и конкретизировавшая направления сотрудничества между двумя странами, в т. ч. развитие железнодорожного сообщения, создание Особой зоны мира и сотрудничества в Желтом море, совместное использование устья реки Ханган, расширение обменов и сотрудничества в областях истории, лингвистики, образования, науки и техники, культуры и искусства, спорта и т. д.⁵

2 Предложение Севера по Конфедерации основывается на формуле «одна нация, одно государство, две системы и два автономных региональных правительства»; в основе предложений Юга по Содружеству лежит формула «одна нация, два государства, две системы и два независимых правительства». Несмотря на наличие общих моментов, по сути объединительные концепции Северной Кореи и Южной Кореи существенно различаются. См. подробнее: Choi Wan-Kyu (2002) New Model for Coexistence and Unification: Convergence of Confederation and Lower Stage of Federation // The Institute for Far Eastern Studies, December 17, 2002 // http://ifes.kyungnam.ac.kr/kor/PUB/PUB_0202V.aspx?code=FRM1010_000040, дата обращения 09.10.2020.

3 Ким Г. (2014) Начало политики «Солнечного тепла» // Корё сарам. 27 августа 2014 // <https://koryo-saram.ru/nachalo-politiki-solnechnogo-tepla/>, дата обращения 09.10.2020.

4 История отношений между КНДР и Республикой Корея. Досье (2018) // ТАСС. 9 января 2018 // <https://tass.ru/info/4862015>, дата обращения 31.05.2020.

5 Декларация во имя развития межкорейских отношений, мира и процветания // KBS // https://world.kbs.co.kr/special/northkorea/contents/archives/summit/summit_2007.htm?lang=r, дата обращения 31.05.2020.

Вместе с тем Южной и Северной Кореям не удалось закрепить традицию сотрудничества в двусторонних отношениях. Стоит отметить, что в политической элите Южной Кореи изначально отсутствовал консенсус относительно проводимой либеральными администрациями Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена политики вовлечения КНДР. Ким Дэ Чжуну, затем Но Му Хену, и их сторонникам приходилось испытывать сильное давление со стороны консерваторов, выступавших против «политики солнечного тепла» [Chaibong 2005; Choi 2020, p. 116].

Южнокорейские консерваторы и прогрессисты отличались тем, как они воспринимают Северную Корею, а также их позицией в вопросах объединения Кореи. Консерваторы считают, что КНДР – это главная угроза национальной безопасности Южной Кореи, прогрессисты же больше склонны видеть в КНДР партнера [Choi 2010, p. 130], которого они, правда, стремятся изменить в перспективе путем осуществления открытости и либерально-демократических и рыночных реформ. Прогрессисты признают КНДР в качестве независимого политического субъекта, с которым возможно мирное сосуществование и сотрудничество на пути к объединению, в то время как консерваторы подчеркивают необходимость изменения северокорейского режима как предварительного условия создания единой либерально-демократической и рыночно-ориентированной Кореи под руководством Юга [Park 2020, p. 29].

Несмотря на серьезное противодействие южнокорейских консерваторов, а также ужесточение политики США в отношении Северной Ко-

реи с приходом в Белый дом Джорджа Буша-младшего, который причислил КНДР к «оси зла», северокорейский курс прогрессистов пользовался поддержкой среди населения Южной Кореи в течение почти десятилетия [Choi 2010, p. 135]. К причинам устойчивости популярности северокорейского курса прогрессивных администраций среди южнокорейцев можно отнести необходимость прогрессистов в необходимости сотрудничать с КНДР и опасности ее изоляции⁶, активная защита и продвижение политики «солнечного тепла» среди населения [Choi 2010, p. 134], рост корейского национализма и одновременно подъем антиамериканизма в Южной Корее.

Однако к концу президентского срока Но Му Хена неоднозначные результаты политики «солнечного тепла» вызвали большую волну критики в Южной Корее. Прежде всего, отмечалось, что КНДР получила экономические и дипломатические выгоды, в то время как Южная Корея не получила ничего [Ланцова 2012, с. 95]. Однако существуют и положительные оценки, указывающие на то, что политика вовлечения Севера была не менее выгодна Югу. Во-первых, снятие напряженности на Корейском полуострове способствовало повышению инвестиционного рейтинга Южной Кореи и привлечению в страну инвестиций, что, в свою очередь, внесло позитивный вклад в посткризисное восстановление южнокорейской экономики в начале XXI в. [Paik 2002, p. 27]. Во-вторых, достаточно успешным совместным экономическим проектом являлся Кэсонский промышленный комплекс, который приносил неплохие доходы среднему и малому южнокорейскому биз-

6 Interview with Lim Dong Won (2003) // Frontline, March 1, 2003 // <https://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/kim/interviews/won.html>, дата обращения 09.10.2020.

несу⁷. Бизнес Южной Кореи положительно оценивает реализацию совместного проекта в Кэсоне и заинтересован в его возобновлении и расширении⁸.

Противники примирения и сближения с Северной Кореей утверждали, что политика «солнечного тепла» не отвечает национальным интересам и безопасности Южной Кореи, т. к., с одной стороны, доходы от межкорейских проектов идут на развитие северо-корейских ракетно-ядерных программ [Lee, Moon 2016, p. 232], а с другой стороны, данный курс подрывает союз с США [Kim 2005, p. 10; Choi 2010, p. 127]. По мнению консерваторов, вместо стимулирования реформ и открытости КНДР, северо-корейский курс либеральных администраций облегчил Северной Корее задачу наращивания ядерного потенциала, позволив, в том числе, играть на противоречиях стран «шестерки».

Кроме того, не оправдались ожидания осуществления прямых контактов между гражданами обеих стран, в частности, относительно возможности общения южнокорейских туристов с северо-корейцами: Пхеньян установил тотальный контроль в туристической зоне Кымгансан, чтобы исключить влияние туристов и персонала из Южной Кореи на граждан КНДР [Русецкая 2011, с. 89].

Вместе с тем у КНДР были причины относиться к политике сотрудничества с Южной Кореей как к тактической мере, т. к. в южнокорейских политических

кругах существовала сильная оппозиция проведению политики «солнечного тепла» (1998–2008 гг.) [Kim 2003, p. 65; Choi 2020, p. 128], а часть южнокорейской элиты по-прежнему исходила из неизбежности крушения северо-корейского режима [Toloraya 2011]. Кроме того, администрация американского президента Дж. Буша-мл. не скрывала стремления осуществлять смены неудобных ей режимов. Пример вторжения в Ирак в 2003 г. продемонстрировал северо-корейскому руководству, что для обеспечения независимости и безопасности государства необходимы силы ядерного сдерживания.

Отсутствие подвижек в трансформации северо-корейского режима и продолжение им своей ядерной программы, критика политики «солнечного тепла» и скандал, связанный с передачей корпорацией Hyundai 500 млн долл. Северной Корее накануне первого межкорейского саммита в 2000 г.⁹, иждивенческое и высокомерное отношение Севера дискредитировали южнокорейских левых либералов и способствовали приходу в Голубой дом в 2008 г. консерваторов, которые традиционно занимают жесткую позицию в отношении КНДР¹⁰.

Администрация Ли Мен Бака (2008–2013 гг.) подвергла ревизии отношения с Севером, отказавшись от политики «солнечного тепла». Решение Ли Мен Бака не продолжать курс своих предшественников, во-первых, было связано с негативной оценкой его эффе́ктив-

7 Jun Kwanwoo, Cheng Jonathan (2018) Entrepreneurs Weigh a Return to North Korea // The Wall Street Journal, November 27, 2018 // <https://www.wsj.com/articles/entrepreneurs-weigh-a-return-to-north-korea-1543323603>, дата обращения 09.10.2020.

8 'Seoul Paid for Summit with North' (2003) // BBC News, January 30, 2003 // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/2708405.stm>, дата обращения 09.10.2020.

9 Вместе с тем стоит отметить, что победа консерваторов в значительной степени была связана с разочарованием избирателей в экономической политике либералов. См.: Moon Chung-in (2009) South Korea in 2008: From Crisis to Crisis // Asian Survey, vol. 49, no 1, pp. 120–128. DOI: 10.1525/as.2009.49.1.120

10 Policy of Mutual Benefits and Common Prosperity. The Lee Myung-bak Administration's North Korea Policy (2008) // Korean Institute for National Unification, August 2008 // http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/down.do?brd_id=308&seq=306962&data_tp=A&file_seq=2, дата обращения 09.10.2016.

ности для инициирования реформ на Севере, а также с наращиванием КНДР своего ядерного потенциала [Choi 2010, p. 125]. С точки зрения новой администрации, политика «солнечного тепла» была слишком идеологизированной, основывалась на односторонних уступках со стороны Юга и не имела никаких механизмов принуждения [Park 2008, p. 43]. Согласно подходу Ли Мен Бака, межкорейские отношения должны были развиваться на основе прагматизма, а не идеологии¹¹.

Во-вторых, своей главной внешнеполитической целью Ли Мен Бак поставил укрепление отношений с США и вывод союза между двумя государствами на уровень стратегического, расширив направления и масштабы глобального и регионального военнополитического сотрудничества [Воронцов 2008]. Частью стратегического партнерства двух стран стало заключенное в 2007 г. Соглашение о свободной торговле между Республикой Кореей и США, которое должно было укрепить торгово-экономические отношения между Южной Кореей и США. С опорой на США Южная Корея, все активнее позиционировавшая себя средней державой, рассчитывала повысить свой статус на международной арене. Кроме того, Ли Мен Бак полагал, что ориентация на Соединенные Штаты является жизненно необходимой для обеспечения национальной безопасности Южной Кореи, поддержания баланса сил в Северо-Восточной Азии и проведения твердого курса в отношении КНДР [Воронцов 2008].

В отличие от предыдущих администраций, администрация Ли Мен Бака синхронизировала с США свою политику в отношении КНДР, взяв курс на приоритетное решение ядерной проблемы Корейского полуострова, а не развитие межкорейских отношений: проекты двустороннего экономического и социально-гуманитарного сотрудничества стали увязывать с денуклеаризацией Северной Кореи.

Северокорейский курс Ли Мен Бака вызвал неприятие со стороны Пхеньяна, призывавшего Сеул выполнять подписанные предыдущими администрациями проекты межкорейского сотрудничества¹². Политический диалог между сторонами был заморожен, запуск КНДР ракетносителя «Ынха-2» и проведение второго ядерного испытания еще больше обострили отношения между Сеулом и Пхеньяном. В 2010 г. произошел инцидент с южнокорейским корветом, который, по мнению южнокорейской стороны, был потоплен КНДР. Южная Корея отреагировала на это событие введением односторонних экономических санкций против КНДР, в результате чего были свернуты почти все двусторонние проекты, за исключением Кэсонского промышленного парка, закрытие которого обернулось бы внушительными убытками для среднего и малого бизнеса Южной Кореи [Cronin 2012]. Поставки гуманитарной помощи в Северную Корею также резко сократились (за 2008–2013 гг. они составили 480 млн долл., за 2003–2008 гг. – порядка 2 млрд долл.)¹³.

Сменившая Ли Мен Бака на посту президента Республики Корея Пак

11 Policy of Mutual Benefits and Common Prosperity. The Lee Myung-bak Administration's North Korea Policy (2008) // Korean Institute for National Unification, August 2008 // http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/down.do?brd_id=308&seq=306962&data_tr=A&file_seq=2, дата обращения 09.10.2016.

12 Кирьянов О. (2008) В Южной Корее заговорили о полном фиаско внешней политики Ли Мен Бака // Российская газета. 30 июля 2008 // <https://rg.ru/2008/07/30/korea-vneshnyaya-anons.html>, дата обращения 09.10.2020.

13 История отношений между КНДР и Республикой Корея. Досье (2018) // ТАСС. 9 января 2018 // <https://tass.ru/info/4862015>, дата обращения 31.05.2020.

Кын Хе (2014–2017 гг.) пыталась найти золотую середину между сотрудничеством без всяких условий либеральных администраций и конфронтационной политикой давления Ли Мен Бака [Fiori 2017]. Она выступила с проведением на Корейском полуострове «политики доверия», суть которой заключалась в стремлении к наведению мостов с КНДР при жестком реагировании на провокации Северной Кореи. В обмен на отказ от ядерной программы Пак Кын Хе обещала КНДР широкомасштабную помощь, инвестиции, поддержку с членством в международных организациях¹⁴.

Вместе с тем агрессивный объединительный дискурс, подготовка администрацией Пак Кын Хе к неминуемому объединению двух Корей не способствовали налаживанию отношений между Сеулом и Пхеньяном. Кроме того, сам Пхеньян не был готов к «разрядке» на Корейском полуострове: с одной стороны, в силу внутривнутриполитических причин, связанных с консолидацией власти Ким Чен Ына; с другой стороны, в связи с намерением северокорейского лидера ускорить развитие северокорейских ядерных и ракетных программ в рамках объявленного в 2013 г. курса на одновременное развитие экономики и укрепление ядерного потенциала сдерживания, который позволил бы стране превратиться «в великую политическую, военную, социалистическую, экономическую державу и высокотехнологичную страну»¹⁵.

Реакция администрации Пак Кын Хе на проведение КНДР в начале 2016 г. очередного ядерного испытания и за-

пуск ракеты дальнего действия (выход из проекта «Хасан-Раджин», закрытие последнего оставшегося совместного промышленного комплекса в Кэсоне, введение односторонних мер против КНДР¹⁶) продемонстрировала, что на первый план в Республике Корея по-прежнему выдвигали решение северокорейской ядерной проблемы, а не вопросы нормализации двусторонних отношений.

Решение закрыть межкорейский промышленный комплекс должно было продемонстрировать решительность Южной Кореи ужесточить санкции против Северной Кореи и убедить Китай проголосовать за принятие резолюции СБ ООН № 2270, предполагавшей усиление режима международных санкций против КНДР [Easley 2016, p. 22]. Также не исключено, что данное решение было связано с усилением координации действий по северокорейскому вопросу между Южной Кореей, США и Японией и в связи с этим необходимостью со стороны Сеула предпринять меры для повышения давления в отношении КНДР до максимально возможного уровня.

Администрация Пак Кын Хе стремилась путем давления заставить северокорейский режим капитулировать или даже поставить его на грань коллапса. В своем выступлении перед Национальным собранием 16 февраля 2016 г. Пак Кын Хе заявила, что Южная Корея предпримет «более серьезные и эффективные» меры, чтобы заставить Северную Корею осознать, что ее ядерные амбиции не спасут режим, а приведут только к ускорению его краха и что

14 Корея на любой вкус. Интервью президента Республики Корея Пак Кын Хе М. Гусману (2013) // Российская газета. 5 сентября 2013 // <https://rg.ru/2013/09/04/koreya-site.html>, дата обращения 09.10.2020.

15 Ким Чен Ын дал курс на реконструкцию экономики и развитие ядерных сил (2013) // Жэньминь Жибао. 2 апреля 2013 // <http://russian.people.com.cn/31520/8191951.html>, дата обращения 09.10.2020.

16 Итоги деятельности Пак Кын Хе на посту президента Республики Корея. Досье (2017) // ТАСС. 10 марта 2017 // <http://tass.ru/info/4084225>, дата обращения 31.05.2020.

Южная Корея намерена проводить политику по созданию среды, в которой у Северной Кореи не останется другого выбора, кроме как отказаться от своих ядерных и ракетных программ¹⁷.

В итоге к концу президентского срока Пак Кын Хе связи между Южной и Северной Кореями были полностью прекращены, и межкорейские отношения оказались в глубоком кризисе.

Северокорейская политика Мун Чжэ Ина

В основу северокорейской политики Мун Чжэ Ина легли идеи политики «солнечного тепла», проводимой леволиберальными правительствами Южной Кореи в период президентства Ким Дэ Чжуна (1998–2003 гг.) и Но Му Хена (2003–2008 гг.). В период президентства Но Му Хена Мун Чжэ Ин руководил администрацией президента, а в 2007 г. в качестве председателя возглавил подготовку саммита глав двух Корей, который состоялся в этом же году. Соглашения и договоренности, заключенные между Южной и Северной Кореями в начале 2000-х гг., стали фундаментом его политики в отношении северного соседа.

Мун Чжэ Ин, подобно своим предшественникам-прогрессистам, провозгласил, что Южная Корея не стремится к краху Северной Кореи, ее поглощению и искусственному объединению. В качестве целей своей политики «мирного сосуществования и совместного

процветания» южнокорейский президент выдвинул 1) решение северокорейской ядерной проблемы и установление прочного мира; 2) развитие устойчивых межкорейских отношений и 3) формирование нового экономического сообщества на Корейском полуострове¹⁸.

Действующий южнокорейский президент выражает стремление преобразовать нынешний режим перемирия на Корейском полуострове в постоянную систему мира. Северокорейская политика Мун Чжэ Ина исходит из того, что северокорейская ядерная проблема – скорее результат более широкого регионального конфликта, в который вовлечены США и Китай, нежели причина отсутствия стабильности в регионе [Go 2017, p. 1]. Поэтому администрация Мун Чжэ Ина предложила решать северокорейскую ядерную проблему одновременно с поиском путей установления мира на Корейском полуострове путем подписания мирного договора, который снял бы опасения Пхеньяна за свой режим и лишил его необходимости/предлога для обладания ядерным оружием.

Для установления прочного мира на Корейском полуострове предполагается действовать в соответствии со стратегией параллельного решения вопросов денуклеаризации КНДР и межкорейских отношений¹⁹. Данный подход предполагает, что решить северокорейскую ядерную проблему возможно через диалог, а не конфронтацию двух корейских государств. Южнокорейское руководство ожидает, что улучшение межкорейских

17 Кан Бён Чхоль (2016) Президент Пак, кардинальное изменение политики в отношении Северной Кореи ... Упоминание об «изменении северокорейской политической системы» вплоть до краха режима // Yonhap News, February 16, 2016 // <https://www.yna.co.kr/view/AKR20160216095251001>, дата обращения 09.10.2020 (на корейском).

18 Третий план развития межкорейских отношений и план его реализации в 2018 г. // https://www.unikorea.go.kr/unikorea/open/parliament/opCalculat8e/?boardId=bbs_0000000000000019&mode=view&cntId=54302&category=&pageIdx=, дата обращения 31.05.2020 (на корейском).

19 Третий план развития межкорейских отношений и план его реализации в 2018 г. // https://www.unikorea.go.kr/unikorea/open/parliament/opCalculat8e/?boardId=bbs_0000000000000019&mode=view&cntId=54302&category=&pageIdx=, дата обращения 31.05.2020 (на корейском).

отношений будет способствовать нормализации отношений между КНДР и США²⁰ и денуклеаризации Северной Кореи [Baek, Chun 2020]. Поэтому администрация Мун Чжэ Ина видит свою роль и задачу в том, чтобы, с одной стороны, установить отношения с Пхеньяном, с другой стороны, выступать в качестве посредника в установлении и продвижении американо-северокорейского диалога [Baek, Chun 2020].

Отмечая, что мирный договор может быть подписан только после полной денуклеаризации Корейского полуострова²¹, Мун Чжэ Ин активно выступает за подписание декларации о завершении войны 1950–1953 гг. Настойчивые призывы президента Южной Кореи к заключению декларации о завершении войны свидетельствуют о его убеждении в том, что межкорейские отношения не могут продвинуться без улучшения отношений между Пхеньяном и Вашингтоном²². Кроме того, таким образом Мун Чжэ Ин пытается найти способы реанимации американо-северокорейских переговоров по северокорейской ядерной проблеме.

Согласно северокорейской политике Мун Чжэ Ина, отношения с Северной Кореей должны были строиться на основе уважения и реализации существующих межкорейских соглашений. Мун Чжэ Ин обещал активизировать диалог, обмены и сотрудничество в различных областях, в т. ч. экономической, путем возобновления межко-

рейских проектов, прежде всего Кэсонского промышленного комплекса и туристического проекта в горах Кымгансан. В этой связи южнокорейское правительство подчеркивало необходимость ослабить санкции против Северной Кореи, чтобы сделать возможным осуществление экономического сотрудничества между двумя странами [Choi, Shin, Kim 2018, p. 7].

Южнокорейское руководство также объявило о стремлении к регуляризации, децентрализации и институализации межкорейских отношений в целях развития устойчивого межкорейского сотрудничества и обменов. В частности, планируется подписать «национальное соглашение об объединении» (на внутригосударственном уровне), «межкорейское базовое соглашение» (на межкорейском уровне) и «соглашение о мире на Корейском полуострове» (на международном уровне)²³.

Активизация межкорейского сотрудничества, как и в конце 1990-х гг., произошла в результате инициативы со стороны леволиберальной южнокорейской администрации и согласия северокорейского руководства ответить взаимностью. Первоначально попытки возобновить контакты с северокорейцами встретили отказ северокорейского руководства, который аргументировался тем, что Южная Корея продолжала поддерживать международное политическое и санкционное давление на КНДР²⁴. Вместе с тем Зимние

20 A Conversation with Kim Ki-Jung (2019) // FRS-KF Korea Program on Security and Diplomacy, January 2019, p. 5 // <https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/programmes/programme-coree-securite-diplomatique/publications/2019/2.pdf>, дата обращения 09.10.2020.

21 Южная Корея рассчитывает на скорое подписание мирного договора с КНДР (2018) // Известия, 20 сентября 2018 // <https://iz.ru/791254/2018-09-20/iuzhnaia-koreia-rasschityvaet-na-skoroe-podpisanie-mirnogo-dogovora-s-kndr>, дата обращения 09.10.2020.

22 Kang Seung-woo (2020) Why President Moon Keeps Pushing for End-of-war Declaration // The Korea Times, October 9, 2020 // <http://m.koreatimes.co.kr/pages/article.asp?newsidx=297334>, дата обращения 09.10.2020.

23 Новый шаг к пути мира. Межкорейский саммит 2018 г. // Комитет по подготовке к межкорейскому саммиту 2018 г. С. 8 // http://russian.korea.net/FILE/pdfdata/2018/04/2018_inter-korean_summit_RU.pdf, дата обращения 31.05.2020.

24 Rocky Start for Inter-Korean Exchange in the Moon Jae-in Era (2017) // <http://www.zoominkorea.org/rocky-start-for-inter-korean-exchange-in-the-moon-jae-in-era>, дата обращения 31.05.2020.

Олимпийские игры в Пхенчхане предоставили прекрасную возможность для возобновления межкорейского диалога. После новогоднего послания Ким Чен Ына, в котором он заявил о готовности послать команду спортсменов на Олимпиаду в Южную Корею, стороны инициировали переговоры по подготовке участия КНДР в Играх и открыли этап активизации межкорейского сотрудничества.

Если говорить о причинах решения КНДР вступить в диалог с Южной Кореей, то большинство западных исследователей считают, что на этот шаг северокорейское руководство вынудила принятая в декабре 2017 г. резолюция ООН, установившая против КНДР беспрецедентно жесткий режим международных санкций после проведения северокорейским режимом очередных ракетно-ядерных испытаний²⁵. Также существуют точки зрения, что КНДР, объявив о создании сдерживающего ядерного потенциала в 2017 г., во-первых, была готова приостановить ракетно-ядерную гонку [Ивашенцов 2019] и приступить к обсуждению ядерной проблемы Корейского полуострова на равных²⁶, во-вторых, стремилась найти внешние источники для проведения внутренней политики одновременного развития ядерных сил и экономики страны.

Кроме того, представляется, что северокорейское руководство посчитало, что складываются благоприятные международные условия для того, чтобы активизировать северокорейскую дипломатию и подорвать международный режим санкций [Толорая 2018; Park 2020, р. 70], который, безусловно, ме-

шает северокорейским планам развития экономики страны и повышению уровня жизни граждан. Обострение американо-китайского соперничества, российско-американская конфронтация открывали возможности для того, чтобы играть на противоречиях стран, имеющих интересы на Корейском полуострове. Вступив в диалог с Сеулом, Пхеньян, во-первых, использовал Южную Корею «как «клапан» для снижения давления в «корейском котле», разрыв единство фронта своих противников» [Толорая 2018]. Во-вторых, администрация Мун Чжэ Ина выступила выгодным посредником на начальном этапе дипломатической активности КНДР для вступления в переговоры с США с тем, чтобы оценить пределы возможной «сделки» с администрацией Д. Трампа.

В результате совпадения курсов двух Корей на сближение друг с другом улучшились отношения между Сеулом и Пхеньяном и произошла деэскалация военно-политической напряженности на Корейском полуострове. В сентябре 2018 г. по итогам саммита в Пхеньяне стороны подписали соглашение в военной области, направленное на снижение напряженности и рисков военных столкновений. Вместе с тем, несмотря на нормализацию отношений между двумя сторонами в 2018 г. и проведение трех межкорейских саммитов, отношения между Южной Кореей и Северной Кореей не претерпели принципиальных изменений в содержательном плане.

Во-первых, администрации Мун Чжэ Ина не удалось возобновить эко-

25 Из интервью Р. Вайца корреспонденту BBC. См.: Писня Н. (2018) Ким много наобещает, но ничего не сделает. Эксперт о предстоящем саммите США–КНДР // BBC. 28 апреля 2018 // <https://www.bbc.com/russian/features-43933310>, дата обращения 31.05.2020.

26 Из интервью Г.Д. Толорая телеканалу RT (2018). См.: Бовдунов А. (2018) «КНДР попытается сохранить ядерный кулак»: чего стоит ожидать от встречи Трампа и Ким Чен Ына // RT. 29 апреля 2018 // <https://russian.rt.com/world/article/508076-kim-chen-yn-vstrecha-tramp-perspektivy>, дата обращения 31.05.2020.

номическое сотрудничество с Севером: так и не были запущены совместный с КНДР экономический проект в г. Кэсон и туристические поездки в горы Кымгансан. Во-вторых, сторонам не удалось подписать ни мирный договор, ни декларацию об окончании Корейской войны, заключение которых продвигала администрация Мун Чжэ Ина. В-третьих, сотрудничество между двумя Кореями в неэкономической (социально-гуманитарной) сфере также

остается ограниченным ввиду избирательного подхода Северной Кореи. КНДР не ответила на предложения Юга провести рабочие встречи по вопросам сотрудничества в области спорта, отказалась принимать помощь в борьбе с эпидемией свиного гриппа, а также отвергала предложение Южной Кореи отправить 50 тыс. тонн риса через Всемирную продовольственную программу ООН [Go 2019]. Несмотря на инициативу со стороны Южной Кореи,

Таблица 1. Количество пересечений границы, чел.

Table 1. Number of border crossings

Годы	1989–2003	2004–2007	2008–2012	2013–2016	2017–2019
С Юга на Север	55 257	372 249	673 585	352 415	16 576
С Севера на Юг	3 609	3 548	724	410	872
Всего	58 866	375 797	674 309	352 825	17 448

Источник: сайт Министерства объединения Южной Кореи // https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/relations/statistics/traffic/

Таблица 2. Объем межкорейской торговли, млн долл. США

Table 2. Volume of inter-Korean trade, million us dollars

Годы	1989–2002	2003–2007	2008–2012	2013–2016	2017–2019
Всего	3,571	5,625	9,096	6,526	39

Источник: сайт Министерства объединения Южной Кореи // https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/relations/statistics/exchanges/

Примечание: вся межкорейская торговля в 2018 и 2019 гг. являлась некоммерческой.

Таблица 3. Количество одобренных межкорейских проектов

Table 3. Number of approved inter-Korean projects

Категория		1991–2002	2003–2007	2008–2012	2013–2016	2017–2019	
Экономика	Экономические проекты	17	28	29	19	–	
	Кэсонский промышленный комплекс	Одобрение	–	221	23	11	–
		Доклад	–	–	63	19	–
Социально-культурные проекты		30	121	5	3	9	
Всего		47	370	120	52	9	

Источник: сайт Министерства объединения Южной Кореи // https://www.unikorea.go.kr/eng_unikorea/relations/statistics/exchanges/

стороны не предприняли совместных действий для борьбы с коронавирусом. Наоборот, в результате распространения коронавируса был закрыт Межкорейский офис связи в Кэсоне, который был открыт в сентябре 2018 г. (в марте 2019 г. северокорейцы покинули офис).

Если проследить статистику по межкорейским связям на сайте Министерства объединения (табл. 1, 2, 3), то видно, насколько ограничены межкорейское сотрудничество и контакты в период администрации Мун Чжэ Ина, по сравнению с предыдущими администрациями, как леволиберальными, так и консервативными, несмотря на его усилия и амбициозные планы, обозначенные сторонами в Пхаммунчжомской декларации 2018 г. Количество людей, пересекших межкорейскую границу в первые три года администрации Мун Чжэ Ина, в 21 и 38 раз меньше, чем во время пребывания у власти Но Му Хена и Ли Мен Бака соответственно (табл. 1). Коммерческая торговля между двумя странами так и не возобновилась из-за сохранения международного режима санкций в отношении Северной Кореи (табл. 2). При этом количество одобренных проектов в социально-культурной сфере составило всего 9, что больше, чем при администрациях Ли Мен Бака и Пак Кын Хе, вместе взятых (8 проектов), но гораздо меньше, чем в период с 1991 г. до конца президентского срока Ким Дэ Чжуна (30 проектов), и не сравнится с интенсивностью социально-гуманитарного межкорейского взаимодействия при Но Му Хене (121 проект) (табл. 3).

После безрезультатного завершения в феврале 2019 г. американо-северокорейского саммита в Ханое этап активного восстановления контактов между КНДР и Республикой Корея сменился затишьем межкорейского диалога, за которым в начале июня 2020 г. последовало стремительное ухудшение межкорейских отношений. В ответ на запуск на территории КНДР антисеверокорейскими активистами листовок критического содержания в адрес Ким Чен Ына и строя КНДР Пхеньян резко ужесточил риторику в адрес Сеула, объявив, что намерен относиться к Югу как к врагу²⁷. 9 июня КНДР заблокировала все каналы связи с южным соседом, 16 июня заявила о намерении ввести войска в демилитаризованную зону²⁸. В этот же день – 16 июня – Пхеньян взорвал символ межкорейского сближения – здание межкорейского офиса связи в Кэсоне, договоренность об открытии которого была достигнута в ходе саммита лидеров Республики Корея и КНДР 27 апреля 2018 г. В условиях накалявшейся ситуации на полуострове Южная Корея привела войска в состояние повышенной боеготовности, при этом администрация Мун Чжэ Ина пыталась найти пути к компромиссу.

Несмотря на готовность Сеула предпринять меры для предотвращения запуска листовок, Пхеньян целенаправленно обострял межкорейские отношения. Это свидетельствует о том, что листовки послужили не более чем поводом для соответствующих действий северокорейской стороны. Пхеньян неоднократно прибегал к подобной тактике:

27 Сестра Ким Чен Ына пригрозила Южной Корее военными действиями (2020) // Lenta.ru. 14 июня 2020 // <https://lenta.ru/news/2020/06/14/kimyojong/>, дата обращения 09.10.2020.

28 Генеральный штаб Корейской Народной Армии подчеркнул, что вооруженные силы готовы к тому, чтобы обеспечить надежную военную гарантию любых внешних мер, которые будут приняты партией и правительством (2020) // Korean Central News Agency. 16 июня 2020 // <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmstfjsessionid=BE92A0CB6AD-B1E309436D881E2E52775#this>, дата обращения 09.10.2020 (на корейском).

прекращал контакты с Югом, нагнетал обстановку на Корейском полуострове, а затем вновь возобновлял диалог [Петровский 2020].

Обострение отношений между Севером и Югом в начале июня 2020 г. стало логическим результатом несоответствия ожиданий северокорейцев относительно содержания развития межкорейских связей и возможностей южнокорейцев в условиях действующего санкционного режима. Цель военной «истерии» северокорейского режима состояла в том, чтобы привлечь внимание США и Южной Кореи и возобновить переговорный процесс с Вашингтоном «с позиции силы».

Активность межкорейских контактов резко сократилась после провала Ханойского саммита между КНДР и США. Северная Корея призывала Юг к выполнению двусторонних договоренностей, перейти от слов к делу²⁹, однако администрации Мун Чжэ Ина оказалось крайне сложно на практике реализовать принцип параллельного движения по трекам денуклеаризации КНДР и межкорейского сотрудничества в условиях, при которых американо-северокорейские переговоры «буксуют» и отсутствует поддержка США каких-либо подвижек в межкорейских экономических отношениях, в частности выведения из-под санкций Кэсонского промышленного комплекса. Поэтому целенаправленные действия Пхеньяна по обострению отношений с Сеулом выражают его недовольство Югом («подвисшими» межкорейскими экономическими проектами и неспо-

собностью Мун Чжэ Ина убедить Дональда Трампа снять санкции) [Panda 2020; Петровский 2020].

Пхеньян пошел на повышение ставок, при этом тот факт, что агрессивные заявления в адрес Южной Кореи делал не сам Ким Чен Ын, означает, что северокорейское руководство пока «не закрывает дверь» перед Югом, а посылает сигнал к диалогу³⁰ и предупреждение. Предупреждение, что в отсутствии практического двустороннего сотрудничества и сохраняющегося тупика в американо-северокорейских переговорах по ядерной проблематике Пхеньян не нуждается в нормализации отношений с Сеулом и может сконцентрироваться на отношениях с США. Последнее означало бы провал северокорейской политики Мун Чжэ Ина, поэтому таким образом Пхеньян пытается напугать южнокорейское руководство, склонить его к уступчивости и заставить Сеул убедить Вашингтон ослабить санкционное давление [Kang 2020]. Как отмечает А.Н. Ланьков, Пхеньян поставил Сеул перед выбором: либо вы игнорируете санкции и приступаете к практической фазе сотрудничества, либо убеждаете США ослабить санкции и даете деньги легально³¹.

По сути, при такой позиции КНДР ничего не теряет, т. к. текущее состояние межкорейских отношений ее не устраивает: нормализация отношений с Югом при действующем санкционном режиме до сих пор не принесла твердой валюты. Пхеньян осознает, что позиция Вашингтона является ключе-

29 On Socialist Construction and the Internal and External Policies of the Government of the Republic at the Present Stage (2019). A Speech Delivered by Kim Jong Un to the First Session of the 14th Supreme People's Assembly of the DPRK // The National Committee on North Korea, April 12, 2019 // https://ncnk.org/resources/publications/kju_april2019_policy_speech.pdf/file_view, дата обращения 09.10.2020.

30 Эксперты оценили состояние межкорейских отношений (2020) // РИА Новости. 25 июня 2020 // <https://ria.ru/20200625/1573440614.html>, дата обращения 09.10.2020.

31 Подругина В. (2020) Северная Корея расхотела дружить с Южной // Ведомости. 17 июня 2020 // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/06/17/832871-severnaya-koreya>, дата обращения 09.10.2020.

вой для отмены/ослабления санкционного режима и что Сеул не решится идти против санкций. Поэтому северокорейцы готовы выполнять поставленную задачу стратегического развития экономики страны в условиях экономических санкций, опираясь на ядерное сдерживание и собственные силы, что следует из декабрьского (2019 г.) доклада Ким Чен Ына, в котором отсутствовало упоминание о межкорейских отношениях [На 2020]. Это говорит о том, что главной внешнеполитической целью КНДР остается налаживание отношений с США, и в этом отношении это сигнал США.

Таким образом, июньский межкорейский кризис продемонстрировал хрупкость межкорейского диалога и обнажил искусственность нормализации двусторонних отношений. Отсутствие реального содержания межкорейского сотрудничества свидетельствует о неспособности администрации Мун Чжэ Ина перейти от продвижения идейных установок политики «солнечного тепла» 1998–2008 гг. к ее практической реализации. Сложившаяся ситуация не устраивает северокорейский режим и ставит северокорейский курс администрации Мун Чжэ Ина на грань провала.

Препятствием для ренессанса межкорейского экономического сотрудничества и обменов в других сферах, сравнимых с периодом проведения политики «солнечного тепла» при Ким Дэ Чжунге и Но Му Хене, служит сохраняющийся международный режим санкций в отношении Северной Кореи, в силу чего не удалось реализовать основополагающий принцип успеха политики «солнечного тепла» – отделение экономики от политики.

Блокирующее влияние на развитие отношений между двумя Кореями оказывают США [Дьячков 2018; Choi, Chin 2019, p. 5]. Из-за непреклонной пози-

ции Вашингтона в вопросе сохранения режима экономических санкций в отношении Пхеньяна до осуществления им полной, верифицируемой и необратимой денуклеаризации Мун Чжэ Ину не удалось вывести из-под санкций межкорейские экономические проекты – Кэсонский промышленный комплекс и туристический комплекс в горах Кымгансан.

В отличие от предыдущих прогрессивных администраций, северокорейская политика администрации Мун Чжэ Ина не оставляет ядерный вопрос за рамками межкорейских отношений, в т. ч. экономических. Как показало развитие отношений между двумя Кореями после провалившегося американо-северокорейского саммита в Ханое, на практике проявляется зависимость возобновления межкорейского сотрудничества от прогресса в ядерных переговорах между Пхеньяном и Вашингтоном [Baek, Chun 2020]. Таким образом, у Мун Чжэ Ина не получилось «запустить» добродетельный круг, при котором нормализация межкорейских отношений ведет к денуклеаризации Корейского полуострова, а денуклеаризация, в свою очередь, способствует укреплению межкорейских отношений и мира [Baek, Park 2019].

Почему же Мун Чжэ Ину не удалось отделить политику от экономики и добиться прогресса в диалоге с Пхеньяном без привлечения Вашингтона? Представляется, что это связано с неготовностью самого Сеула действовать без оглядки на США и нежеланием Мун Чжэ Ина осложнять отношения с Вашингтоном.

Во-первых, потому что приобретение Северной Кореей ядерного оружия привело к усилению зависимости Южной Кореи от США в области обеспечения ее национальной безопасности. Во-вторых, из-за опасений Сеула самому попасть под действие амери-

канских санкций³². В-третьих, в условиях нарастания американо-китайского соперничества Сеулу сложнее проводить автономную политику в корейском вопросе, т. к. Вашингтон склонен рассматривать ситуацию на Корейском полуострове в контексте регионального противостояния с Китаем [Park 2020, p. 70]. Поэтому администрация Мун Чжэ Ина, в отличие от администрации Но Му Хена, отдает приоритет альянсу с США, а не межкорейским отношениям³³. Соответственно, северокорейская политика Мун Чжэ Ина зависит от того, удастся ли ему изменить позицию Вашингтона.

Перспективы развития межкорейских отношений

Перспективы сохранения курса Южной Кореи на сотрудничество с КНДР определяются развитием внутривластной ситуации в стране – от того, какие политические силы победят на выборах. В Южной Корее существует поляризация политической элиты и отсутствует национальный консенсус по вопросу выстраивания отношений с Северной Кореей. В Плане развития межкорейских отношений на 2017–2022 гг. неоднократно подчеркивается важность общественного консенсуса и взаимодействия с гражданами для последовательного продвижения политики в отношении Северной Кореи³⁴. На практике это весьма спор-

ное утверждение, т. к. государство в Южной Корее обладает определенной автономией от общества в решении важнейших задач национальной безопасности³⁵. Поэтому более насущной задачей является формирование консенсуса среди основных политических сил Южной Кореи относительно политики в отношении КНДР: необходимости нормализации межкорейских отношений и возобновления межкорейских экономических связей, признания приоритета межкорейского сотрудничества над отношениями с США. От того, удастся ли Южной Корее последовательно придерживаться курса на сближение с КНДР вне зависимости от администрации, находящейся у власти, будет в немалой степени зависеть траектория движения межкорейских отношений. Вместе с тем это сложный и длительный процесс, т. к. пока в Сеуле хватает «противников нормализации отношений с Пхеньяном», «в том числе среди парламентской оппозиции и в весьма влиятельном академическом сообществе» [Жебин (1) 2018, с. 9].

Об отсутствии внутривластного консенсуса на сближение с КНДР и ориентации Южной Кореи на союз с США свидетельствует также то, что, несмотря на риторику и усилия Мун Чжэ Ина возобновить межкорейские экономические проекты, Южная Корея не воспользовалась возможностью вывести межкорейские отношения из-под санкций путем апелляции к положению, согласованному двумя Кореями

32 Кирьянов О. (2018) США пригрозили Сеулу санкциями за дружбу с Пхеньяном // Российская газета. 17 октября 2018 // <https://rg.ru/2018/10/17/ssha-prigrozili-seulu-sankciiami-za-druzhu-s-phehnyanom.html>, дата обращения 09.10.2020.

33 В Белой дипломатической книге Южной Кореи подчеркивается, что краеугольным камнем северокорейской политики Мун Чжэ Ина остается прочный союз Южной Кореи и США. См.: Diplomatic White Paper (2019) // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea, December 30, 2019, p. 52 // http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5684/list.do, дата обращения 09.10.2020.

34 Третий план развития межкорейских отношений и план его реализации в 2018 г. // https://www.unikorea.go.kr/unikorea/open/parliament/opCalculat8e/?boardId=bbs_000000000000019&mode=view&cntId=54302&category=&pageIdx=, дата обращения 31.05.2020 (на корейском).

35 О роли государства в решении северокорейского вопроса см.: Thompson W.R., Ganguly S. (eds.) (2011) *Asian Rivalries: Conflict, Escalation, and Limitations on Two-level Games*, Stanford, CA: Stanford University Press.

в начале 1990-х гг., о том, что их отношения являются «особыми, временно сложившимися в ходе продвижения к воссоединению, а не межгосударственными отношениями» [Жебин (2) 2018, с. 9]. Более того, Южная Корея так и не отменила односторонние санкции, введенные ею против Северной Кореи после инцидента с затонувшим корветом.

Не стоит забывать и то, что власть Южной Кореи, как указано в ее Конституции, распространяется на обе части Корейского полуострова, а также действует закон о национальной безопасности, жестко регламентирующий любые контакты южнокорейских граждан с северянами. Если одностороннее внесение поправок в Конституцию без параллельных аналогичных действий КНДР маловероятно³⁶, то отмена или смягчение закона представляются вполне возможными (т. к. по сравнению с прошлым у южнокорейских граждан есть иммунитет к северокорейской идеологии и влиянию). Вместе с тем, несмотря на стремление администрации Мун Чжэ Ина децентрализовать межкорейское сотрудничество, формальные процедуры для одобрения контактов бизнеса, частных лиц, региональных властей остаются высокоцентрализованными из-за соображений национальной безопасности [Seliger, Choi 2020, p. 191].

Готовность (наличие внутренних и внешних причин) Северной Кореи также является необходимым условием возобновления межкорейского сотрудничества. Для КНДР, как уже отмечалось, Южная Корея была интересна как посредник на начальном этапе для вступления в переговоры с США, а так-

же с чисто прагматической точки зрения, а именно реализации межкорейских экономических проектов [Дьячков 2020]. Первое исчерпало себя, а второе не оправдало. Форсирование обменов в социально-гуманитарной сфере, которые активно продвигает администрация Мун Чжэ Ина, не вызывает особого интереса в КНДР по двум причинам. Во-первых, для КНДР это даже не второстепенный вопрос и, возможно, предмет торга, в то время как приоритет отдается получению гарантий безопасности и переговорам с США. Во-вторых, социально-гуманитарные обмены являются крайне чувствительным вопросом для северокорейского руководства и воспринимаются как потенциальная угроза политико-экономической системе и режиму [Teplyakov, Kim, Zielinski, Jeong 2018]. Северокорейские власти жестко контролируют собственное население путем монополии на распространении информации и цензуры. Любые контакты с иностранцами, в т. ч. южнокорейцами, осуществляются в строго контролируемых рамках.

Таким образом, Пхеньян, скорее, будет пассивен в осуществлении межкорейских неэкономических проектов, которые не подпадают под санкции ООН, по крайней мере, до окончания президентского срока Мун Чжэ Ина, а дальше позиция КНДР по межкорейскому сотрудничеству будет определяться тем, какие политические силы придут к власти в Южной Корее.

Стоит отметить, что отсутствие подвижек в межкорейских экономических отношениях и тупик в переговорах по ядерному треку между Пхень-

36 Официальных предложений изменить ст. 3 Конституции РК не выдвигалось. Среди предложений Мун Чжэ Ина, инициировавшего кампанию по изменению Конституции РК, не было тех, которые касались вопросов объединения. См.: Чон Хун (2018) Внесение поправок в конституцию, будущее Национального конституционного консультативного комитета стоит под вопросом (2018) // Tongilnews, March 13, 2018 // <http://www.tongilnews.com/news/articleView.html?idxno=124077>, дата обращения 09.10.2020 (на корейском).

яном и Вашингтоном могут привести к затуханию интереса КНДР к развитию отношений с Южной Кореей, что продемонстрировал июньский кризис 2020 г. Подрыв Межкорейского офиса связи в Кэсоне наглядно показал, что внешнеполитическим приоритетом Севера является нормализация отношений с США, а не с Югом.

При этом усиление китайско-американского противостояния в Азиатско-Тихоокеанском регионе не благоприятствует мирному политическому решению ядерной проблемы и потенциально может вести к обострению ситуации на Корейском полуострове. В случае нарастания китайско-американской конфронтации в регионе обеим Кореям будет непросто проводить автономную политику в вопросах двусторонних отношений. Более того, существует опасность, что Пхеньян решит воспользоваться соперничеством между Пекином и Вашингтоном для того, чтобы избежать денуклеаризации и укрепить свои позиции. Подобный шаг приведет к серьезному подрыву межкорейских отношений и еще дальше отдалит перспективы мирного урегулирования проблем Корейского полуострова.

Проведение политики «солнечного тепла» (1998–2008 гг.) показало потенциал межкорейского сотрудничества и возможности мирного сосуществования двух корейских государств. Идеальная платформа политики «солнечного тепла» и практический опыт межкорейского сотрудничества в период прогрессивных администраций Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена позволили двум корейским государствам при совпа-

дении интересов на сближение друг с другом активизировать диалог и нормализовать двусторонние отношения в 2018 г.

Однако возможности использования элементов политики «солнечного тепла» для управления межкорейским конфликтом [Ланцова 2012; Казарьян 2018] сузились. Несмотря на заинтересованность Сеула и Пхеньяна в развитии двустороннего сотрудничества, межкорейские отношения оказались в тупике. Администрации Мун Чжэ Ина не удалось, оттолкнувшись от идейных установок и договоренностей 1998–2008 гг., приступить к практической составляющей политики «солнечного тепла». Из-за международного режима санкций против КНДР правительство Республики Корея потеряло пространство для маневра в межкорейских отношениях и оказалось неспособным задействовать «пряник» в виде двусторонних экономических проектов.

При этом главная причина стагнации межкорейских отношений состоит в ориентации и зависимости Южной Кореи от США, которые были усилены в период консервативных администраций³⁷. Сохранившаяся фактически привязка межкорейского экономического сотрудничества к денуклеаризации Северной Кореи, к северокорейско-американским переговорам по ядерной проблеме также оказала негативное влияние на перспективы сохранения позитивной динамики межкорейских отношений, тем более что данная постановка вопроса убеждает Пхеньян в необходимости по-прежнему ставить на первый план отношения с Вашингтоном, а нарастание китайско-американского противостояния может при-

37 Ориентируясь на США, южнокорейские администрации Ли Мен Бака и Пак Кын Хе одновременно пытались снизить свою зависимость от США путем выдвижения таких инициатив, как политика средней державы, МИКТА. Мун Чжэ Ин, со своей стороны, также выражает стремление диверсифицировать внешнеполитические связи путем проведения «новой южной политики» и «новой северной политики».

вести к провалу усилий по денуклеаризации КНДР путем американо-северокорейских переговоров.

Что касается возможностей наращивания социально-гуманитарного сотрудничества между двумя странами, то они останутся ограниченными, пока не будет сформирована политическая основа межкорейских отношений, при которой Северная Корея будет рассматриваться как нормальное государство-партнер, а не объект, нуждающийся в трансформации. Признание легитимности северокорейского режима могло бы стать объективным условием, которое позволило бы Северной Корее более открыто коммуницировать с внешним миром, не опасаясь за свой режим.

Список литературы

- Воронцов А. (2008) Южная Корея в поисках баланса // Россия в глобальной политике. № 6 // <https://globalaffairs.ru/articles/yuzhnaya-koreya-v-poiskah-balansa/>, дата обращения 09.10.2020.
- Дьячков И.В. (2018) Год, который хочется продлить // МГИМО-Университет. 31 декабря 2018 // <https://mgimo.ru/about/news/experts/god-kotoryu-khochetsya-prodlit/>, дата обращения 31.05.2020.
- Дьячков И.В. (2020) Корейский полуостров: на пороге кризиса? // МГИМО-Университет. 2 января 2020 // <https://mgimo.ru/about/news/experts/koreyskiy-poluostrov-na-poroge-krizisa/>, дата обращения 31.05.2020.
- Жебин А. (1) (2018) Мун и Ким попытаются спасти разрядку на полуострове // Независимая газета. 17 сентября 2018 // <https://dlib.eastview.com/browse/doc/51897673>, дата обращения 31.05.2020.
- Жебин А. (2) (2018) Третья корейская попытка // Независимая газета. 23 апреля 2018 // <https://dlib.eastview.com/browse/doc/50924607>, дата обращения 31.05.2020.
- Захарова Л. (2010) Становление межкорейских экономических отношений в конце XX века // Проблемы Дальнего Востока. № 5. С. 43–53.
- Ивашенцов Г. (2019) Перспективы разрешения ядерной проблемы Корейского полуострова // Российский совет по международным делам. 13 марта 2019 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-razresheniya-yadernoy-problemy-koreyskogo-poluostrova/>, дата обращения 09.10.2020.
- Казарьян Р.Л. (2018) О некоторых итогах политики «солнечного тепла» в контексте перспектив межкорейского сближения // КНДР И РК-70 лет. М.: ИДВ РАН. С. 49–59.
- Ланцова С.И. (2012) Политика «солнечного тепла» как модель управления межкорейским конфликтом: истоки, итоги, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 6. С. 91–98 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18824266_92155434.pdf, дата обращения 14.12.2020.
- Петровский В. (2020) Обострение межкорейских отношений: почему сейчас и чем закончится? // Международная жизнь. 19 июня 2020 // <https://interaffairs.ru/news/show/26705>, дата обращения 09.10.2020.
- Русецкая К.Е. (2011) Проект «Кымгансан» и межкорейские отношения // Россия и АТР. № 1. С. 86–92 // <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-kymgansan-i-mezhkoreyskie-otnosheniya/viewer>, дата обращения 14.12.2020.
- Толорая Г. (2018) Корейское замирение – надолго ли? // Российский совет по международным делам. 12 января 2018 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskoe-zamirenje-nadolgo-li/>

?sphrase_id=56527247, дата обращения 09.10.2020.

Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. (2008) *Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории*. М.: ОЛМА Медиа Групп.

Baek Jinkyung, Chun Chaesung (2020) [Global NK Commentary] Present and Future of the Four-Point Strategy toward North Korea // East Asia Institute, February 12, 2020 // http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19762&board=eng_issuebriefing, дата обращения 09.10.2020.

Baek Jinkyung, Park Won Gon (2019) [Global NK Commentary] The Drive for North Korea Policy to Realize Peace and Prosperity on the Korean Peninsula // East Asia Institute, December 23, 2019 // http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19760&board=eng_issuebriefing, дата обращения 09.10.2020.

Chaibong H. (2005) The Two South Koreas: a House Divided // *Washington Quarterly*, vol. 28, no 3, pp. 57–72. DOI: 10.1162/0163660054026515

Choi Jong Kun (2010) Sunshine over a Barren Soil: The Domestic Politics of Engagement Identity Formation in South Korea // *Asian Perspective*, vol. 34, no 4, Special Issue on Seeking Political Reconciliation: Case Studies in Asia, pp. 115–138.

Choi Kang, Shin Beomchul, Kim J.J. (2018) The Outlook on Denuclearization and the ROK's Choice // *Institute for Policy Studies, Issue Brief*, December 5, 2018 // <https://www.jstor.org/stable/resrep20666>, дата обращения 09.10.2020.

Choi Kang, Shin Beomchul (2019) Assessing ROK-U.S. Relations and Its Prospects // *The ASAN Institute for Policy Studies, Issue Brief*, May 30, 2019 // <http://www.jstor.com/stable/resrep20673>, дата обращения 09.10.2020.

Cronin P.M. (2012) Vital Venture: Economic Engagement of North Korea and the Kaesong Industrial Complex // *Center for a New American Security* //

<http://www.jstor.com/stable/resrep06355>, дата обращения 09.10.2020.

Easley L. (2016) Kaesong and THAAD: South Korea's Decisions to Counter the North // *World Affairs*, vol. 179, no 2, pp. 21–27. DOI: 10.1177/0043820016673778

Fiori A. (2017) Whither the inter-Korean Dialogue? Assessing Seoul's Trustpolitik and Its Future Prospects // *Istituto Affari Internazionali Working Papers*, no 17/13 // <https://www.iai.it/en/publicazioni/whither-inter-korean-dialogue>, дата обращения 31.05.2020.

Go Myong-Hyun (2017) Moon's North Korea Policy: Reengaging North Korea to Regain Strategic Initiative // *Asan Institute for Policy Studies, Issue Brief*, June 28, 2017 // <http://www.jstor.com/stable/resrep08149>, дата обращения 31.05.2020.

Go Myong-Hyun (2019) Inter-Korean Relations: How North Korea is Conditioning South Korea for Its Own Strategic Benefit // *38North*, December 5, 2019 // <https://clck.ru/Njkgv>, дата обращения 31.05.2020.

Ha Young-Sun (2020) [Global NK Commentary] 2020 North Korea: A Head-on Breakthrough of Two Major Challenges // *East Asia Institute*, January 10, 2020 // http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19761&board=eng_issuebriefing, дата обращения 09.10.2020.

Han Yong-Sup (2002) The Sunshine Policy and Security on The Korean Peninsula: A Critical Assessment and Prospects // *Asian Perspective*, vol. 26, no 3, pp. 37–69 // <https://www.jstor.org/stable/42704373?seq=1>, дата обращения 14.12.2020.

Hwang Jaeho (2000) North Korea's Arduous Trip: The North-South Summit Examined // *Security Dialogue*, vol. 31, no 4, pp. 475–488 // <https://www.jstor.org/stable/26296717>, дата обращения 31.05.2020.

Kang Tae-jun (2020) How Will South Korea and the US Respond to North Korea's Latest Provocation? // *The Diplo-*

mat, June 19, 2020 // <https://thediplomat.com/2020/06/how-will-south-korea-and-the-us-respond-to-north-korea-as-latest-provocation/>, дата обращения 09.10.2020.

Kim Choong-nam (2003) The Management of the ROK-U.S. Relations in The Post-Cold War Era // The Journal of East Asian Affairs, vol. 17, no 1, pp. 52–92 // <https://www.jstor.org/stable/23257228?seq=1>, дата обращения 14.12.2020.

Kim Choong Nam (2005) The Rho Moo Hyun Government's Policy toward North Korea // East-West Center Working Papers. Politics, Governance and Security Series, no 11 // <https://www.eastwest-center.org/system/tdf/private/PSwp011.pdf?file=1&type=node&id=32083>, дата обращения 31.05.2020.

Lee Sangkeun, Moon Chung-in (2016) South Korea's Economic Engagement toward North Korea // Joint U.S.-Korea Academic Studies, pp. 226–239 // <http://www.keia.org/publication/south-korea%E2%80%99s-economic-engagement-toward-north-korea>, дата обращения 09.10.2020.

Paik Haksoon (2002) Assessment of the Sunshine Policy: A Korean Perspective // Asian Perspective, vol. 26, no 3, pp. 13–35 // <https://www.jstor.org/stable/42704372?seq=1>, дата обращения 14.12.2020.

Panda A. (2020) North Korea Cuts off Inter-Korean Communication Lines: What Now? // The Diplomat, June 10, 2020 // <https://thediplomat.com/2020/06/north-korea-cuts-off-inter-korean-communication-lines-what-now/>, дата обращения 09.10.2020.

Park Ihn-hwi (2020) The Korean Peace System after the Korean War: International Factors and the Current Significance

// International Journal of Korean Unification Studies, vol. 29, no 1, pp. 57–76 // <http://unibook.unikorea.go.kr/libeka/elec/20200700000000084.pdf#page=67>, дата обращения 14.12.2020.

Park Jong-Chul (2008) Lee Myung-Bak Administration's North Korea Policy: Challenges and Tasks // The Journal of East Asian Affairs, vol. 22, no 2, pp. 39–61 // <https://www.jstor.org/stable/23257896?seq=1>, дата обращения 14.12.2020.

Park Myoung-Kyu (2015) Korean Unification: A New Kind of Peacebuilding Project // Harvard International Review, vol. 36, no 3, pp. 27–30 // <https://search.proquest.com/docview/1765856263?pq-origsite=gscholar&fromopenview=true>, дата обращения 14.12.2020.

Seliger B., Choi Hyun-Ah (2020) Toward a (Sub)-Regionalization of South Korea's Unification Policy – the Proposal of a Romantic Road for Gangwon Province // International Journal of Korean Unification Studies, vol. 29, no 1, pp. 189–216 // <http://unibook.unikorea.go.kr/libeka/elec/20200700000000084.pdf#page=199>, дата обращения 14.12.2020.

Тепляков В.К., Kim Seong-il, Zielinski S., Jeong Yoonjeong (2018) Cooperation for Reforestation in North Korea: International Perspectives and Governance // https://www.researchgate.net/publication/328650821_Cooperation_for_reforestation_in_North_Korea_International_perspectives_and_governance, дата обращения 31.05.2020.

Toloraya G. (2011) Transforming the Face of the Korean Peninsula? // Russia in the Global Affairs, no 2 // <https://eng.globalaffairs.ru/articles/transforming-the-face-of-the-korean-peninsula/>, дата обращения 09.10.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-8

Inter-Korean Relations: Factors and Prospects

Oksana S. PUGACHEVA

Postgraduate Student

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 119454,

Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation

E-mail: ksusha2739@bk.ru

ORCID: 0000-0003-1031-9085

CITATION: Pugacheva O.S. (2021) Inter-Korean Relations: Factors and Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 151–175 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-8

Received: 03.06.2020.

ABSTRACT. *The relations between South Korea and North Korea were improved in 2018 on the basis of the Sunshine policy ideational platform and the inter-Korean agreements reached between the two countries under the progressive administrations of Kim Dae-jung in 2000 and Roh Moo-hyun in 2007. However, inter-Korean relations had been at a lull since the US-North Korea summit in Hanoi in February 2019 despite the intentions of the parties to develop diverse forms of cooperation. After that, the month of June saw a severe deterioration in the Inter-Korean relations. The aim of this article is to analyze the inter-Korean relations and the North Korean policies of the South Korean governments from 1998 to 2020 as well as explain the reasons behind Seoul's inability to make progress in dialogue with Pyongyang. South Korea's prioritizing of its ties with the United States as well as its increased dependence on the United States were the main reason behind the stagnation of inter-Korean relations. Under the international regime of sanctions against the DPRK, Moon Jae-In has failed to put the Sunshine policy into practice, for instance,*

re-open Kaesong Industrial Complex and Mount Kumgang tourism zone. The fact that inter-Korean economic cooperation was actually still linked to the denuclearization of the DPRK also had a negative impact on the prospects for maintaining the positive dynamics of inter-Korean relations. The exacerbation of inter-Korean relations in June 2020 showed that in the absence of practical inter-Korean cooperation and with the continuing deadlock in the US-North Korean negotiations on the nuclear issue, Pyongyang is not interested in normalizing relations with Seoul and it can concentrate on relations with the United States. At the same time, the intensifying confrontation between China and the United States in the Asia-Pacific region is not conducive to a political settlement of the Korean Peninsula nuclear issue and it can potentially lead to an aggravation of inter-Korean relations.

KEYWORDS: *inter-Korean relations, the DPRK, the Republic of Korea, the Korean Peninsula, the Sunshine policy, denuclearization, Moon Jae-In, North Korean politics*

References

- Baek Jinkyung, Chun Chaesung (2020) [Global NK Commentary] Present and Future of the Four-Point Strategy toward North Korea. *East Asia Institute*, February 12, 2020. Available at: http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19762&board=eng_issuebriefing, accessed 09.10.2020.
- Baek Jinkyung, Park Won Gon (2019) [Global NK Commentary] The Drive for North Korea Policy to Realize Peace and Prosperity on the Korean Peninsula. *East Asia Institute*, December 23, 2019. Available at: http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19760&board=eng_issuebriefing, accessed 09.10.2020.
- Chaibong H. (2005) The Two South Korea: a House Divided. *Washington Quarterly*, vol. 28, no 3, pp. 57–72. DOI: 10.1162/0163660054026515
- Choi Jong Kun (2010) Sunshine over a Barren Soil: The Domestic Politics of Engagement Identity Formation in South Korea. *Asian Perspective*, vol. 34, no 4, Special Issue on Seeking Political Reconciliation: Case Studies in Asia, pp. 115–138.
- Choi Kang, Shin Beomchul, Kim J.J. (2018) The Outlook on Denuclearization and the ROK's Choice. *Institute for Policy Studies*, Issue Brief, December 5, 2018. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep20666>, accessed 09.10.2020.
- Choi Kang, Shin Beomchul (2019) Assessing ROK-U.S. Relations and Its Prospects. *The ASAN Institute for Policy Studies*, Issue Brief, May 30, 2019. Available at: <http://www.jstor.com/stable/resrep20673>, accessed 09.10.2020.
- Cronin P.M. (2012) Vital Venture: Economic Engagement of North Korea and the Kaesong Industrial Complex. *Center for a New American Security*. Available at: <http://www.jstor.com/stable/resrep06355>, accessed 09.10.2020.
- Dyachkov I.V. (2018) A Year You Want to Extend. *MGIMO-University*, December 31, 2018. Available at: <https://mgimo.ru/about/news/experts/god-kotoryy-khochetsya-prodlit/>, accessed 31.05.2020 (in Russian).
- Dyachkov I.V. (2020) Korean Peninsula: On the Verge of Crisis? *MGIMO-University*, January 2, 2020. Available at: <https://mgimo.ru/about/news/experts/koreyskiy-poluostrov-na-poroge-krizisa/>, accessed 31.05.2020 (in Russian).
- Easley L. (2016) Kaesong and THAAD: South Korea's Decisions to Counter the North. *World Affairs*, vol. 179, no 2, pp. 21–27. DOI: 10.1177/0043820016673778
- Fiori A. (2017) Whither the inter-Korean Dialogue? Assessing Seoul's Trustpolitik and Its Future Prospects. *Istituto Affari Internazionali Working Papers*, no 17/13. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/whither-inter-korean-dialogue>, accessed 31.05.2020.
- Go Myong-Hyun (2017) Moon's North Korea Policy: Reengaging North Korea to Regain Strategic Initiative. *Asan Institute for Policy Studies*, Issue Brief, June 28, 2017. Available at: <http://www.jstor.com/stable/resrep08149>, accessed 31.05.2020.
- Go Myong-Hyun (2019) Inter-Korean Relations: How North Korea is Conditioning South Korea for Its Own Strategic Benefit. *38North*, December 5, 2019. Available at: <https://clck.ru/Njkgv>, accessed 31.05.2020.
- Ha Young-Sun (2020) [Global NK Commentary] 2020 North Korea: A Head-on Breakthrough of Two Major Challenges. *East Asia Institute*, January 10, 2020. Available at: http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19761&board=eng_issuebriefing, accessed 09.10.2020.
- Han Yong-Sup (2002) The Sunshine Policy and Security on The Korean Peninsula: A Critical Assessment and Prospects. *Asian Perspective*, vol. 26, no 3, pp. 37–

69. Available at: <https://www.jstor.org/stable/42704373?seq=1>, accessed 14.12.2020.

Hwang Jaeho (2000) North Korea's Arduous Trip: The North-South Summit Examined. *Security Dialogue*, vol. 31, no 4, pp. 475–488. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26296717>, accessed 31.05.2020.

Ivashentsov G. (2019) The Prospects for Resolving the Korean Peninsula Nuclear Issue. *The Russian International Affairs Council*, March 13, 2019. Available at: <https://rusiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-razresheniya-yadernoy-problemy-koreyskogo-poluostrova/>, accessed 09.10.2020 (in Russian).

Kang Tae-jun (2020) How Will South Korea and the US Respond to North Korea's Latest Provocation? *The Diplomat*, June 19, 2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/06/how-will-south-korea-and-the-us-respond-to-north-koreas-latest-provocation/>, accessed 09.10.2020.

Kazaryan R.L. (2018) The Sunshine Policy Results in the Context of Inter-Korean Rapprochement. *DPRK and Republic of Korea-70*, Moscow: IFES RAS, pp. 49–59 (in Russian).

Kim Choong-nam (2003) The Management of the ROK-U.S. Relations in The Post-Cold War Era. *The Journal of East Asian Affairs*, vol. 17, no 1, pp. 52–92. Available at: <https://www.jstor.org/stable/23257228?seq=1>, accessed 14.12.2020.

Kim Choong Nam (2005) The Rho Moo Hyun Government's Policy toward North Korea. *East-West Center Working Papers. Politics, Governance and Security Series*, no 11. Available at: <https://www.eastwest-center.org/system/tdf/private/PSwp011.pdf?file=1&type=node&id=32083>, accessed 31.05.2020.

Lantsova S.I. (2012) "Sunshine" Policy as a Model of Inter-Korean Conflict Management: Sources, Results, Prospects. *Moscow State University Bulletin. Series 12: Political Science*, no 6, pp. 91–98. Available at: <https://www.elibrary.ru/download/eli->

[brary_18824266_92155434.pdf](https://www.elibrary.ru/download/eli-brary_18824266_92155434.pdf), accessed 14.12.2020 (in Russian).

Lee Sangkeun, Moon Chung-in (2016) South Korea's Economic Engagement toward North Korea. *Joint U.S.-Korea Academic Studies*, pp. 226–239. Available at: <http://www.keia.org/publication/south-korea%E2%80%99s-economic-engagement-toward-north-korea>, accessed 09.10.2020.

Paik Haksoon (2002) Assessment of the Sunshine Policy: A Korean Perspective. *Asian Perspective*, vol. 26, no 3, pp. 13–35. Available at: <https://www.jstor.org/stable/42704372?seq=1>, accessed 14.12.2020.

Panda A. (2020) North Korea Cuts off Inter-Korean Communication Lines: What Now? *The Diplomat*, June 10, 2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/06/north-korea-cuts-off-inter-korean-communication-lines-what-now/>, accessed 09.10.2020.

Park Ihn-hwi (2020) The Korean Peace System after the Korean War: International Factors and the Current Significance. *International Journal of Korean Unification Studies*, vol. 29, no 1, pp. 57–76. Available at: <http://unibook.unikorea.go.kr/libeka/elec/20200700000000084.pdf#page=67>, accessed 14.12.2020.

Park Jong-Chul (2008) Lee Myung-Bak Administration's North Korea Policy: Challenges and Tasks. *The Journal of East Asian Affairs*, vol. 22, no 2, pp. 39–61. Available at: <https://www.jstor.org/stable/23257896?seq=1>, accessed 14.12.2020.

Park Myoung-Kyu (2015) Korean Unification: A New Kind of Peacebuilding Project. *Harvard International Review*, vol. 36, no 3, pp. 27–30. Available at: <https://search.proquest.com/docview/1765856263?pq-origsite=g-scholar&fromopenview=true>, accessed 14.12.2020.

Petrovsky A. (2020) Inter-Korean Relations Exacerbation: Why Now and How Will It End? *The International Affairs*, June 19, 2020. Available at: <https://interaffairs.>

ru/news/show/26705, accessed 09.10.2020 (in Russian).

Rusetskaya K.E. (2011) Kungangsan Project and Inter-Korean Relationship. *Russia and the Pacific*, no 1, pp. 86–92. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-kymgansan-i-mezhko-reyskie-otnosheniya/viewer>, accessed 14.12.2020 (in Russian).

Seliger B., Choi Hyun-Ah (2020) Toward a (Sub)-Regionalization of South Korea's Unification Policy – the Proposal of a Romantic Road for Gangwon Province. *International Journal of Korean Unification Studies*, vol. 29, no 1, pp. 189–216. Available at: <http://unibook.unikorea.go.kr/libeka/elec/20200700000000084.pdf#page=199>, accessed 14.12.2020.

Teplyakov V.K., Kim Seong-il, Zielinski S., Jeong Yoonjeong (2018) *Cooperation for Reforestation in North Korea: International Perspectives and Governance*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/328650821_Cooperation_for_reforestation_in_North_Korea_International_perspectives_and_governance, accessed 31.05.2020.

Toloraya G. (2011) Transforming the Face of the Korean Peninsula? *Russia in the Global Affairs*, no 2. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/transforming-the-face-of-the-korean-peninsula/>, accessed 09.10.2020.

Toloraya G. (2018) For How Long is the Korean Reconciliation? *The Russian International Affairs Council*, January 12, 2018. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koreyskoe-zamirenje-nadolgo-li/?sphrase_id=56527247, accessed 09.10.2020 (in Russian).

Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.F. (2008) *Korean Peninsula: Metamorphosis of the Post-War History*, Moscow: OLMA Media Group (in Russian).

Vorontsov A. (2008) South Korea in Quest of Balance. *Russia in Global Affairs*, no 6. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/yuzhnaya-koreya-v-poiskah-balansa/>, accessed 09.10.2020 (in Russian).

Zakharova L. (2010) Formation of Inter-Korean Economic Relations in the Late 20th Century. *Far Eastern Affairs*, no 5, pp. 43–53 (in Russian).

Zhebin A. (1) (2018) Moon and Kim will Try to Save Detente on the Peninsula. *Nezavisimaya Gazeta*, September 17, 2018. Available at: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/51897673>, accessed 31.05.2020 (in Russian).

Zhebin A. (2) (2018) The Third Korean Attempt. *Nezavisimaya Gazeta*, April 23, 2018. <https://dlib.eastview.com/browse/doc/50924607>, accessed 31.05.2020 (in Russian).